

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ АЛЬТЕРНАТИВЫ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ САУДОВСКОЙ АРАВИИ

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОТНОШЕНИЙ ЭР-РИЯДА С ВАШИНГТОНОМ, ПЕКИНОМ И МОСКВОЙ

НИКОЛАЙ СУРКОВ

Институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН,
Москва, Россия

Резюме

Внешняя политика Королевства Саудовская Аравия (КСА) претерпела значительные изменения после того, как государство фактически возглавил наследный принц Мухаммед бин Салман. На региональном уровне Эр-Рияд стал проводить более активную политику, а на глобальном – взял курс на диверсификацию внешних связей, готовясь к наметившемуся сокращению американского присутствия на Ближнем Востоке и в Персидском заливе. Представленная статья фокусируется на том, может ли сближение КСА с Китаем и Россией стать альтернативой стратегическому союзу Королевства с США. Автор преследует цель разобраться в особенностях отношений Королевства с каждой из перечисленных стран и выявить тренды их дальнейшего развития. В статье анализируется сотрудничество с названными партнёрами по вопросам безопасности и экономическое сотрудничество. Сделан вывод о том, что Королевство по-прежнему заинтересовано в сохранении и развитии стратегических отношений с США, которые остаются ключевым союзником и важным экономическим партнёром. С Китаем, который превратился в основного торгового партнёра, отношения строятся по формуле «экономика плюс», то есть происходит постепенное развитие политических связей. Наконец, Россия важна как ключевой партнёр на энергетическом рынке в рамках формата ОПЕК+, а также может способствовать урегулированию ряда региональных кризисов. Сравнительный анализ отношений КСА с США, КНР и РФ показывает, что в среднесрочной перспективе для Эр-Рияда нет альтернативы поддержанию и развитию отношений с Вашингтоном.

Ключевые слова:

Саудовская Аравия; США; Китай; Россия; балансирование; хеджирование.

Принято считать, что до 2015 г. Эр-Рияд в своей внешней политике полагался на «дипломатию чековой книжки» и гарантии

безопасности со стороны США. Зарубежные исследователи указывают, что с 1932 по 2015 г. Королевство Саудовская Аравия

Дата поступления рукописи в редакцию: 03.08.2022

Дата принятия к публикации: 22.09.2022

Для связи с автором / Corresponding author:

Email: nsurkov77@gmail.com

(КСА) следовало заветам оборонительного реализма, стараясь сохранять статус-кво в регионе [Rich 2019: 65]. После прихода к власти Салмана бин Абдул-Азиза наблюдатели заговорили об изменении внешнеполитического курса страны. «Доктрина Салмана» — это не конкретный документ, а комплекс решений и инструментов, направленных на противодействие вызовам, стоящим перед КСА в современных реалиях Ближнего Востока. На практике она проявляется в проведении проактивной внешней политики, важным элементом которой стало использование военной силы напрямую, а не через союзников или местных клиентов. Больше внимания по сравнению с предыдущими годами стало уделяться развитию военного сотрудничества с арабскими странами, в частности с ОАЭ и Египтом. Предприняты шаги по укреплению дисциплины внутри Совета сотрудничества арабских государств Залива (ССАГЗ) [Косач 2021: 146]. Кроме того, наметилось наращивание собственных военных возможностей страны, в том числе за счёт развития военно-промышленного комплекса, и поиск новых глобальных партнёров, в роли которых рассматриваются Россия, Индия, Китай, страны Латинской Америки и Африки. Дополнительным стимулом к пересмотру внешнеполитической доктрины и переходу от реактивной политики к проактивной стал анонсированный президентом США Бараком Обамой «уход» Соединённых Штатов из ближневосточного региона. Монархии Залива пришли к выводу, что сокращение американского присутствия создаст вакуум, который попытается заполнить Иран [Katz 2017: 106].

В свете происходящих изменений возникает исследовательский вопрос: создают ли Россия и Китай реальную альтернативу стратегическому союзу с США для КСА? Соответственно, цель настоящей статьи заключается в том, чтобы сравнить ценность трёх держав с точки зрения национальных интересов Эр-Рида. Для её решения будет произведена оценка состояния двусторонних отношений в сфере безопасности и

региональной стабильности, торгово-экономических связей, контактов между руководителями стран.

Отечественная историография, посвящённая КСА, довольно обширна. Тем не менее в ней немного работ, фокусирующихся сугубо на внешней политике. Особого внимания заслуживают публикации Г.Г. Косача [Косач 2019; 2021], анализирувавшего основы курса Эр-Рида на международной арене, его характерные черты в период правления короля Салмана и наследного принца Мухаммеда бин Салмана. Особенность работ Г.Г. Косача заключается в широком использовании оригинальных источников и стремлении показать саудовский взгляд на процессы в мире и в регионе. Анализу внутриполитического развития КСА посвящены исследования А.И. Яковлева [Яковлев 2016; 2017]. О состоянии и перспективах развития российско-саудовских экономических отношений много можно узнать из публикаций В.А. Исаева, А.О. Филоника [Исаев, Филоник 2018], Э.М. Фазельянова [Fazelyanov 2021]. О последних тенденциях в отношениях КСА с Китаем подробно пишет А.С. Дербенёв [Дербенёв 2022]. Среди западных исследователей, занимающихся изучением внешней политики КСА, следует выделить Э. Кордесмана [Cordesman 2016] и Р. Мейсона [Mason 2014], которые делают акцент на эволюции отношений КСА с США. Ключевым источником информации о современной политике Эр-Рида мы полагаем труды саудовских авторов, поскольку они отражают видение истеблишментом страны состояния и перспектив взаимодействия с другими государствами. В частности, Кямиль аль-Ахмад [Kenner 2021] изучает экономические связи с США, Мухаммед аль-Судейри [Al-Sudairi 2020] в своих работах большое внимание уделяет саудовско-китайским отношениям, а профессор Салех аль-Хатлан пишет о связях с Россией [Аль-Хатлан 2022].

Методологическая база исследования представляет собой комбинацию нескольких теорий международных отношений.

В рамках реалистского и неореалистского подходов взаимодействие КСА с тремя изучаемыми державами оцениваются с точки зрения обеспечения национальной безопасности и соотношения национальных интересов [Morgenthau 1948], в первую очередь выделяется наличие общих угроз, а также сравниваются подходы к обеспечению региональной безопасности. Для оценки состояния двусторонних отношений в сфере безопасности мы ориентируемся на показатели военно-технического сотрудничества, поскольку все рассматриваемые державы выступают крупными экспортёрами продукции военного назначения. Между тем КСА традиционно использует оружейные контракты в качестве дополнительного инструмента (своеобразного вознаграждения) для обеспечения лояльности и поддержки со стороны стран-экспортёров.

Неолиберальный подход мы использовали в анализе отношений с точки зрения наличия/отсутствия комплексной (в первую очередь экономической) взаимозависимости [Keohane 2001], роли негосударственных субъектов (таких как ТНК), а также для оценки влияния индивидов/лидеров на отношения. При изучении экономических связей автор сосредоточился на трёх показателях: объём торговли, инвестиции и крупные совместные проекты или контракты. Последний показатель стоит рассматривать как не только количественный, но и качественный, поскольку в случае КСА привлечение компаний из той или иной страны к реализации проектов стратегической важности всегда было связано с уровнем развития политических отношений.

Наконец, конструктивистский подход использован для анализа поведения лиц, принимающих решения, и формирования национальных интересов. С акцентом на роли саудовской идентичности в формировании внешнеполитического позиционирования страны, поскольку идентичность и ценности влияют на то, как субъекты определяют свои национальные интересы [Wendt 1999].

Внешнеполитическое самопозиционирование Саудовской Аравии

Внешнеполитическое позиционирование КСА — тема обширная, поэтому целесообразно остановиться лишь на тех её особенностях, которые имеют значение в рамках данной статьи (см. подробнее: [Сурков 2020]). Следует подчеркнуть, что для саудовского самовосприятия характерно постоянное ощущение внешней угрозы, поскольку под влиянием исламской традиции с её биполярным видением мира в национальном сознании укоренилось деление на «мы» и «они»: мир ислама (в первую очередь суннитского) и потенциально враждебное окружение. Это предопределило повышенное внимание саудовского руководства к внешним угрозам и вызовам региональной стабильности. Ощущение угрозы усиливается в связи с длящимся уже более четырёх десятилетий соперничеством с Ираном, которое носит не только геополитический, но и идеологический характер. Саудовская Аравия видит себя естественным лидером исламского мира, поскольку на территории страны расположены главные мусульманские святыни, однако Иран с его доктриной экспорта исламской революции ставит это лидерство под сомнение. Как отмечал А.И. Яковлев, Саудовская Аравия выступает не только региональным центром силы, но и цивилизационно-культурным центром. По мнению этого автора, Эр-Рияд также демонстрирует убеждённость в своём праве самостоятельно действовать в пространстве единой этноконфессиональной общности племён Аравии [Яковлев 2017: 42, 45].

На внешнюю политику Эр-Рида накладывают отпечаток традиционные представления о чести, свойственные саудовским монархам как потомкам племенных вождей, поэтому большое значение имеют вопросы лояльности со стороны союзников и субординации со стороны младших партнёров. Всё это до последнего времени диктовало акцентированно «чёрно-белое» восприятие внешнеполитических реалий. Например, произошло заметное охлаждение отноше-

ний с США, когда они продемонстрировали готовность ослабить давление на Иран. Впрочем, этот «чёрно-белый» подход более актуален именно по отношению к союзникам, а другим странам проведение сбалансированной политики прощается.

Племенные традиции приводят и к тому, что отношения КСА с зарубежными государствами зачастую зиждутся на личных связях между лидерами. Следовательно, ситуативные манёвры партнёров, идущие вразрез с интересами Эр-Рияда, или неосторожные высказывания могут трактоваться как предательство и иметь далеко идущие последствия для двусторонних отношений. Особенно этот тренд стал заметен при Мухаммеде бин Салмане, ставшем фактическим правителем Королевства после 2015 г. В частности, в 2016 г. Саудовская Аравия болезненно отреагировала на высказывания Барака Обамы, который в интервью *Atlantic* поставил под сомнение дружбу между США и КСА, а также дал понять, что Эр-Рияду придётся считаться с региональными интересами Тегерана¹. Слова американского лидера наложились на недовольство саудовского руководства подписанием в 2015 г. Совместного всеобъемлющего плана действий (СВПД), также известного как «иранская ядерная сделка». Это объясняет подчеркнуто холодный приём президента Соединённых Штатов в ходе его визита в КСА в апреле 2016 года, вкупе с демонстративным развитием связей с Москвой и Пекином в последующие годы.

Основы внешней политики при Мухаммеде бин Салмане

Прежде чем приступить к разбору отношений КСА с великими державами, целесообразно определить основополагающие

принципы курса Эр-Рияда при наследном принце Мухаммеде бин Салмане.

Непосредственно после 2015 г. внешняя политика Саудовской Аравии выглядела скорее хаотичной и импульсивной, что привело к череде резких манёвров: военной кампании в Йемене, разрыву дипломатических отношений с Ираном, прекращению помощи Ливану, блокаде Катар, трениям с Вашингтоном. По мере накопления опыта молодым лидером страны стратегия становилась более долгосрочной и нюансированной. Текущее внешнеполитическое видение Мухаммеда бин Салмана нашло отражение в его программном интервью региональным СМИ в 2021 году. Из текста следует, что курс Эр-Рияда — реалистский, поскольку в его основе национальные интересы и безопасность². По оценкам некоторых исследователей, произошёл переход от оборонительного реализма к наступательному, которому свойственны стремление максимизировать мощь страны, а также склонность к односторонним действиям [Rich 2019: 70].

Как руководство КСА видит угрозы, с которыми сталкивается страна? Для ответа на этот вопрос полезным источником служат материалы саудовского МИДа. В частности, показательными были совместные заявления по итогам переговоров в ходе регионального турне наследного принца летом 2022 г. в рамках подготовки к саммиту ССАГЗ в Джидде. С руководством Египта обсуждались урегулирование кризиса в Йемене, ситуация в Ираке (с акцентом на укреплении его связей с другими арабскими государствами), поддержание стабильности в Ливане (и противодействие иранским клиентам), динамика кризиса в Ливии³. На переговорах в Египте и Йор-

¹ The Saudi backlash to Obama's Atlantic comments has begun // The Washington Post. 14.03.2016. Доступ: <https://www.washingtonpost.com/news/worldviews/wp/2016/03/14/saudi-prince-writes-scathing-response-to-obama-comments/>

² Full Transcript: Crown Prince Mohammed bin Salman interview with Saudi journalist Abdullah Al-Mudaifer // Arab News, 28.04.2021. Доступ: <https://www.arabnews.com/node/1850146/media>

³ Аль-баян аль-хатами аль-муштарак ли зиярат сахиб ас-самуу аль-маликий вали аль-ахд иля джумхурият мыср аль-арабия [Совместное заключительное заявление визита Его Королевского Высочества наследного принца в Арабскую Республику Египет] // Официальный сайт МИД КСА. 21.06.2022. Доступ: <https://www.mofa.gov.sa/ar/ministry/statements/Pages/hrh-eg-fin.aspx>

дании поднимался вопрос о недопущении создания Ираном ядерного оружия, а также о противодействии его вмешательству во внутренние дела арабских стран⁴. Другой темой было противодействие экстремизму и борьба с терроризмом. Показательно, что в итоговом коммюнике саммита в Джидде, состоявшегося в июле 2022 года, сдерживание Ирана и борьба с распространением оружия массового поражения упомянуты в качестве главных элементов поддержания региональной стабильности⁵.

Региональная стабильность заявлена приоритетом внешней политики КСА, при этом выделена иранская угроза, включающая в себя, помимо ядерной проблематики, развитие Тегераном ракетного потенциала и беспилотных систем. Отдельно фигурирует «экспансионистская» региональная политика Ирана, которого обвиняют во вмешательстве во внутренние дела арабских стран. Большое внимание уделяется региональным конфликтам и кризисам, в первую очередь в странах, где саудовское руководство усматривает иранский след, — Йемене, Ираке, Ливане и Сирии⁶. Традиционно среди угроз отмечаются экстремизм и терроризм, причём в саудовском внешнеполитическом дискурсе эти термины используются не только применительно к группировкам вроде «Аль-Каиды»⁷ или «ИГ»⁸, но также в отношении Ирана и его клиентов.

В вопросах безопасности и региональной стабильности Саудовская Аравия весь-

ма требовательна к союзникам, приняв за образец поведения действия США в ходе «танкерной войны» 1980-х годов⁹ и в ходе Кувейтского кризиса 1990—1991 годов, когда Вашингтон без колебаний применял вооружённую силу против оппонентов. Эр-Рияд считает, что на фоне активизации Ирана в 2000-х годах свои обязательства гаранта безопасности Соединённые Штаты не выполнили, а их бездействие вдохновило Тегеран на дальнейшую региональную экспансию [Cordesman 2016: 4].

Впрочем, наследный принц признаёт и важность экономических вопросов. В упомянутом выше интервью он подчеркнул, что в современном мире перераспределение экономической мощи приводит к трансформации системы международных отношений в поисках нового баланса; снижение роли США в мировом хозяйстве неизбежно потребует перестройки глобальной политики¹⁰. Соответственно, помимо военной мощи, руководство Королевства имеет ещё один критерий выбора союзников: насколько то или иное государство может способствовать экономическому и технологическому прогрессу в рамках масштабной программы модернизации «Видение-2030» [Косач 2019: 60—61].

Саудовская Аравия—США

За время «холодной войны» саудовское руководство привыкло сотрудничать с США в борьбе с глобальными и региональными вызовами. Это касалось и противодействия

⁴ Аль-баян аль-хатами аль-муштарак ли зиярат вали аль-ахд иля аль-мамляка аль-урдуния аль-хашимия [Совместное заключительное заявление о визите наследного принца в Иорданское Хашимитское Королевство] // Официальный сайт МИД КСА. 22.06.2022. Доступ: <https://www.mofa.gov.sa/ar/ministry/statements/Pages>

⁵ Jeddah Summit: Joint Vision for Stable, Prosperous Middle East // Asharq Al-Awsat. 17.07.2022. Доступ: <https://english.aawsat.com/home/article/3762411/jeddah-summit-joint-vision-stable-prosperous-middle-east>

⁶ Saudi King Salman assails Iran in United Nations debut // Reuters. 23.09.2020. Доступ: <https://www.reuters.com/article/uk-un-assembly-idUKKCN26E2X4>

⁷ Террористическая организация, запрещённая на территории Российской Федерации.

⁸ Террористическая организация, запрещённая на территории Российской Федерации.

⁹ «Танкерная война» — один из эпизодов ирано-иракской войны 1980—1988 годов. В 1984—1987 годах в ответ на участвовавшие атаки иранских военных кораблей и самолётов против танкеров нейтральных стран США направили в Персидский залив эскадру, которая обеспечивала охранение конвоев и неоднократно вступала в боестолкновения с ВМС КСИР.

¹⁰ Full Transcript: Crown Prince Mohammed bin Salman interview with Saudi journalist Abdullah Al-Mudaifer // Arab News. 28/4/2021. Доступ: <https://www.arabnews.com/node/1850146/media>

распространению советского влияния в 1950-х годах, и сдерживания насеровского Египта в 1960-х, и Ирано-иракской войны в 1980-х, и борьбы с Саддамом Хусейном в ходе и после Кувейтского кризиса. Прямое военное вмешательство США в период «танкерных войн», а позже — усилия по освобождению Кувейта от иракской оккупации воспринимались как должное: именно такого поведения ждали от союзника. Зарубежные авторы характеризуют саудовско-американские отношения как «транзакционные», в которых каждая из сторон извлекает выгоды из сотрудничества [Ennis 2013: 1131]. Вашингтон традиционно был ключевым партнёром Эр-Рияда в плане развития вооружённых сил, военных закупок и подготовки личного состава. По состоянию на январь 2021 г. суммарный объём оружейных актуальных контрактов между двумя странами достиг 126 млрд долларов, причём после 2017 г. рост составил 110 млрд, из которых было исполнено сделок на 27 млрд долларов¹¹.

К началу 2000-х годов единственным серьёзным раздражителем в саудовско-американских отношениях оставался палестинский вопрос. Эр-Рияд, будучи одним из лидеров арабского мира, не мог поддерживать де-факто произраильскую политику Вашингтона, к чему американцы относились с пониманием. В 2000-х годах у саудовской стороны появились новые поводы для недовольства: свержение Саддама Хусейна привело к резкому усилению иранского влияния в Ираке, нарушив региональный баланс [Nameed 2017: 28]. Эр-Рияд открыто предупреждал об этих рисках ещё до начала операции. Особенно болезненно было воспринято подписание в 2015 г. Совместного всеобъемлющего плана действий (СВПД) по иранской ядерной программе, более известного как «ядерная сделка» [Косач 2021: 142].

Если оценивать саудовско-американские отношения с точки зрения соотношения угроз, то картина наблюдается неодно-

значная. В настоящее время основные внешние вызовы безопасности — это экспансия Ирана, подрывающая стабильность в Заливе; региональные кризисы (Сирия, Ирак, Йемен); экстремизм и радикальный исламизм; курдский национализм. Практически по всем этим пунктам у КСА и Соединённых Штатов нет единой позиции, что резко контрастирует с ситуацией XX века.

США признают важность иранской проблематики и в принципе выступают за сдерживание Тегерана, но отдают приоритет борьбе с ИГ и аналогичными негосударственными игроками. Более того, Вашингтон сосредоточился на ядерном аспекте иранской проблематики, тогда как КСА едва ли не большей угрозой считает региональную политику Ирана, а также его программы создания баллистических ракет и ударных беспилотников. Без решения этих вопросов иранская угроза сохранится, полагают в Эр-Рияде [Mason 2014: 38].

С региональными кризисами ситуация ещё сложнее. В КСА считают, что США не поддержали усилий Эр-Рияда по смене режима в Сирии, что позволило Башару Асаду остаться у власти и привело к росту иранского влияния в этой стране [Al Faisal bin Abdul Aziz Al Saud 2013: 41]. Критика в американских СМИ и Конгрессе саудовской военной кампании против движения «Ансар Алла» в Йемене стала источником постоянного раздражения Эр-Рияда. Таким образом, фактически не наблюдалось сотрудничества с США по противодействию угрозам, исходящим от региональных кризисов.

Единственный вопрос, по которому позиции двух стран оставались близки, — это борьба с экстремизмом и радикальным исламизмом. В то же время тут положение осложняется тем, что в США прочно укоренилась уверенность в косвенной причастности КСА к терактам 11 сентября 2001 г. Саудовское руководство, в свою очередь, крайне болезненно относится к попыткам

¹¹ U.S. Security Cooperation With Saudi Arabia // Официальный сайт Госдепартамента. 20.01.2021. Доступ: <https://www.state.gov/u-s-security-cooperation-with-saudi-arabia/>

Вашингтона приравнять к радикальной идеологии ваххабитское течение ислама, отличающееся буквальным толкованием священных текстов и ультраконсервативным подходом к организации общественной жизни.

Таким образом, к концу 2010-х годов намечилось сильное расхождение приоритетов двух стран в сфере безопасности. На него наложилась убежденность руководства КСА в том, что в США ведётся долгосрочная пропагандистская антисаудовская кампания, которой американские власти никак не препятствуют¹². В результате сформировался искажённый образ Саудовской Аравии как архаичной абсолютной монархии, построенной на салафитском толковании ислама, несмотря на все усилия властей по модернизации страны. Последние включили частичную демократизацию общественной жизни, появление элементов парламентаризма, приход в госструктуры представителей молодого поколения [Яковлев 2016: 127]. Программа «Видение-2030» представила КСА как толерантную страну, где верность исламу сочетается с его умеренным толкованием, где и мужчины, и женщины имеют возможность раскрыть свой потенциал, а деятельность властей прозрачна и подотчётна обществу¹³.

Несмотря на описанные выше нестыковки в сфере политических интересов, экономические связи двух государств остались прочными. Объёмы поставок нефти из КСА в США с 2000-х годов стабильно сокращались, но сохранилось активное торговое и инвестиционное сотрудничество [Seznec 2020: 245–247]. В 2019 г. американский экспорт товаров и услуг в КСА достиг почти 24 млрд долларов (из них 14,3 млрд пришлось на различные товары). США наращивали экспорт сельскохозяй-

ственной продукции, что открыло перспективу их превращения в одного из поставщиков продовольственной безопасности для КСА. Данные об американских инвестициях в КСА носят неполный характер; по подсчётам Департамента коммерции США, общий объём прямых инвестиций превышал в 2019 г. 10 млрд долларов. В свою очередь, КСА выступало крупнейшим на Ближнем Востоке покупателем казначейских облигаций (на сумму свыше 134 млрд долларов по состоянию на 2020 год). Саудовские прямые инвестиции в 2019 г. превышали 13 млрд долларов [Kenner 2021]. Немаловажно, что практически во всех мегапроектах программы «Видение-2030» — Неом, Киддия, Проект развития Красного моря и Амала — были задействованы американские компании. Их роль по сравнению с фирмами из Азии трудно точно оценить ввиду отсутствия данных о контрактах. Тем не менее известно, что в Неоме фирмы из США взяли на себя строительство базовой инфраструктуры и системы общественного транспорта. Там же при американском участии должен быть построен крупнейший завод по производству зелёного водорода.

После победы на президентских выборах в США 2020 г. Джозефа Байдена в отношениях Эр-Рияда с Вашингтоном намечилось охлаждение, чему способствовали критические заявления нового американского руководителя (ещё в ходе предвыборной кампании) по поводу убийства оппозиционного саудовского журналиста Джамала Хашогджи. К настоящему времени позиция наследного принца по отношению к администрации Байдена смягчилась. В интервью *Arab News* от 2021 г. он заявил, что у КСА и США есть взаимопонимание по 90% двусторонней повестки¹⁴. Отвечая на вопрос о разногласиях с США, бин

¹² Al-Homayed, Tariq. Saudi Arabia ... Obamaism, Confrontation // ASHARQ AL-AWSAT, 24.04.2022. Доступ: <https://english.aawsat.com/home/article/3609526/tariq-al-homayed/saudi-arabia-%E2%80%A6-obamaism-confrontation>

¹³ Saudi Vision 2030 // Официальный сайт проекта, 19.09.2022. Доступ: https://www.vision2030.gov.sa/media/rc0b5oy1/saudi_vision203.pdf

¹⁴ Full Transcript: Crown Prince Mohammed bin Salman interview with Saudi journalist Abdullah Al-Mudaifer // Arab News, 28/4/2021. Доступ: <https://www.arabnews.com/node/1850146/media>

Салман дал понять, что главной проблемой он полагает вмешательство во внутренние дела его страны. По его словам, несмотря на трения, США всегда оставались стратегическим союзником КСА. Признав важность отношений с Америкой, наследный принц отметил, что они носят характер взаимозависимости и Саудовская Аравия оказывала США не менее важную поддержку. В частности, он подчеркнул, что бесперебойные поставки дешёвой нефти из Саудовской Аравии сыграли заметную роль в обеспечении экономического роста США.

Знаковым событием саудовско-американских отношений стал состоявшийся в июле 2022 г. визит в Джидду президента Байдена, итоги которого можно считать позитивными и отвечающими интересам КСА. Стороны договорились об укреплении стратегического партнёрства в интересах безопасности в регионе, в том числе путём оказания поддержки государствам, которые сталкиваются с угрозой со стороны террористических сил или проиранских группировок. Сдерживание Ирана было выделено особо, причём в соответствии с саудовской постановкой вопроса: противодействие вмешательству в дела других государств, борьба с иранскими клиентами и ядерной программой. Обращает на себя внимание то, что США взяли обязательство облегчить доступ к технологиям, необходимым для обеспечения безопасности Саудовской Аравии, в частности к морским безэкипажным системам и средствам кибербезопасности. Объявлено было о конкретных договорённостях по сотрудничеству в сфере обеспечения контроля и безопасности стратегически важных морских районов — Оманского залива, Аравийского

моря, Баб-эль-Мандебского пролива. Речь шла о тесной координации и совместных действиях саудовских ВМС и американского 5-го флота. Стороны также заявили планы создания специального координационного центра в Бахрейне¹⁵. В сфере региональной безопасности наметилось взаимопонимание по Йемену. США приветствовали усилия Эр-Рияда по поддержанию режима прекращения огня в этой стране.

В ходе визита был подтверждён стратегический характер двустороннего экономического и инвестиционного сотрудничества, причём стороны определили конкретные его направления, включая развитие сетей 5G и 6G, подготовку кадров для IT-сектора, исследование космического пространства, зелёную и ядерную энергетику. Были подписаны соглашения с такими американскими компаниями, как *Boeing Aerospace*, *Raytheon Defense Industries*, *Medtronic* and *Digital Diagnostics*, *IKVIA*¹⁶.

Отдельного упоминания заслуживает обсуждение лидерами двух стран вопроса ценностей — ведь именно критика за нарушения прав человека воспринимается в Эр-Рияде как вмешательство во внутренние дела. Стороны договорились, что разногласия по данному вопросу не должны препятствовать развитию двусторонних отношений. Наследный принц дал понять, что есть много ценностей, по которым США и КСА занимают единую позицию, но по нескольким существуют разногласия. Он подчеркнул, что Соединённые Штаты должны уважать культурные различия и не навязывать свои ценности. «Мы должны сосуществовать, несмотря на различия», — заявил он¹⁷. Можно считать, что

¹⁵ Jeddah Communique Stresses Importance of Saudi-US Strategic Partnership // ASHARQ AL-AWSAT. 16.07.2022. Доступ: <https://english.aawsat.com/home/article/3760876/jeddah-communique-stresses-importance-saudi-us-strategic-partnership>

¹⁶ 18 Saudi-US Agreements Covering Space, Investment, Energy, Communications and Health Concluded // Официальный сайт посольства КСА в США. Доступ: <https://www.saudiembassy.net/news/18-saudi-us-agreements-covering-space-investment-energy-communications-and-health-concluded>

¹⁷ Mohammed bin Salman to Biden: Each Country Has Different Values that Must Be Respected // ASHARQ AL-AWSAT. 17.07.2022. Доступ: <https://english.aawsat.com/home/article/3762516/mohammed-bin-salman-biden-each-country-has-different-values-must-be-respected>

тем самым подведена черта под инцидентом с устранением Джамала Хашогджи, поскольку бин Салман взял на себя обязательство не допускать подобных происшествий в будущем.

Саудовская Аравия—Китай

Руководство КСА видит, что КНР наращивает политическое, экономическое и военное присутствие на Ближнем Востоке и в смежных регионах, например в Красном море. Китайская активность на политическом и военном направлениях вызывает некоторую насторожённость Эр-Рияда. Саудовские авторы отмечают, что на фоне наметившегося глобального соперничества с США приход Китая может спровоцировать конфронтацию, превратив регион в одну из арен противостояния, и поднимают вопрос о том, как обеспечить конструктивную роль КНР¹⁸. Основной тезис можно сформулировать следующим образом: Пекин полезен, пока он полагается прежде всего на экономические инструменты. Напомним, что в 2020 г. объём торговли КСА с Китаем составил 62,4 млрд долларов¹⁹, что более чем вдвое превышает соответствующий показатель торговли с США.

Статус КНР в саудовской иерархии внешнеполитических связей существенно отличается от американского. Если Соединённые Штаты бин Салман называет «стратегическим союзником», то Китай — «важным всеобъемлющим стратегическим партнёром»²⁰. Ключевое слово в этом случае — «партнёр», причём основу отношений составляет сотрудничество в энергетической сфере. Китай стал крупнейшим импортёром саудовской нефти — на него

приходится до четверти экспорта нефти из Саудовской Аравии [Malla 2022: 33]. На долгосрочный характер этих поставок указывает то обстоятельство, что саудовская национальная нефтяная компания АРАМКО активно инвестирует в строительство нефтеперерабатывающих заводов на территории Китая. Обсуждается возможность продажи нефти за юани, что станет ещё одним шагом по укреплению экономических связей двух стран. В среднесрочной и долгосрочной перспективе энергоносители из Саудовской Аравии могут стать таким же компонентом роста для КНР, как ранее для США.

Саудовские власти называют Китай партнёром по реализации программы «Видение-2030» — детища наследного принца Мухаммеда бин Салмана [Дербенёв 2022: 226]. В рамках курса на диверсификацию экономики КСА рассчитывает стать промежуточным звеном между Азией и Европой. В этой связи Эр-Рияд заинтересован в сопряжении «Видения-2030» с китайским проектом «Пояса и пути»²¹. Речь, в числе прочего, идёт о транзите грузов из Китая в Европу через Красное море и участии КНР в реализации саудовских проектов в этом регионе.

Кроме того, Китай рассматривают как потенциального инвестора в развитие промышленного производства в КСА²². На большое значение, которое саудовское руководство придаёт развитию экономических связей с КНР, указывает тот факт, что в мае 2022 г. послом в Пекине назначен Абдул Рахман аль-Харби, ранее возглавлявший Главное управление внешней торговли Саудовской Аравии.

¹⁸ Al-Sudairi M. China and the Russo-Ukrainian War: A View from the Gulf // King Faisal Center for Research and Islamic Studies, March, 2022. Доступ: <https://kfcris.com/en/view/post/377>

¹⁹ Saudi imports from China up 17.8 percent in 2020 to \$28.1 billion // Arab News. 23.01.2021. Доступ: <https://arab.news/8rt7t>

²⁰ Saudi Arabia builds up rapprochement with China // The Arab Weekly. 16.04.2022. Доступ: <https://theArabweekly.com/saudi-arabia-builds-rapprochement-china>

²¹ Xi Jinping Speaks with Saudi Arabia's Crown Prince Mohammed bin Salman on the Phone // Официальный сайт МИД КНР. 15.04.2022. Доступ: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjdt_665385/wshd_665389/202204/t20220416_10668788.html

²² Ас-саудия ва ас-син. Алякат мутаджавира ва масалих кубра [Саудовская Аравия и Китай. Укоренившиеся отношения и большие интересы] // Шарк ТВ. 29.05.2022. Доступ: <https://asharq.com/ar/6BFPLcanGP5KHDghOLucVX>

С точки зрения сотрудничества по вопросам безопасности и совпадения/несовпадения интересов следует обратить внимание на ряд важных моментов. Регулярно звучат заявления о совместной борьбе с экстремистами. В рамках этого подхода саудовское руководство считает политику КНР в отношении мусульман-уйгуров внутренним делом страны и борьбой с терроризмом²³. Поскольку Китай не вовлечён непосредственно ни в один из региональных конфликтов и не имеет существенного военного присутствия в регионе (за исключением базы в Джибути), руководство КСА не рассматривает КНР в качестве потенциального гаранта безопасности. В то же время китайский девиз «стабильность через развитие» воспринимается в целом благоприятно.

По состоянию на осень 2022 г. в открытых источниках не было информации о крупных оружейных сделках КСА с КНР. Согласно официальным источникам, военное и военно-техническое сотрудничество находится на стадии обсуждения²⁴. По некоторым сведениям, Китай помогает Саудовской Аравии налаживать производство ударных беспилотников СН-4 и создавать инфраструктуру для производства ядерного топлива, а также поставляет баллистические ракеты DF-21 [Fulton 2020: 366].

В глазах саудовского руководства существенным преимуществом КНР перед США выглядит невмешательство во внутренние дела и отсутствие серьёзных политических противоречий. Если применительно к Соединённым Штатам бин Салман заявляет об имеющихся в двусторонних отношениях трениях, то в случае

Китая он не раз подчёркивал «беспроблемный» характер сотрудничества²⁵. Если Байден призывал наказать КСА за убийство Хашогджи²⁶, то Пекин не обсуждает эту тему, и в Эр-Рияде ценят подобную сдержанность²⁷. В свою очередь, Саудовская Аравия неизменно выражает поддержку идее единого Китая, хотя в годы «холодной войны» предпочитала развивать отношения с Тайванем [Wang 1993]. Единственный вопрос, который теоретически может омрачать саудовско-китайские отношения, — это поддержка Китаем ядерной сделки с Ираном. Тем не менее обе стороны тактично не заостряют на этом внимание.

КСА—Россия

В 1926 г. СССР стал первым государством мира, признавшим независимость Саудовской Аравии. После разрыва в 1938 г. двусторонние связи практически отсутствовали вплоть до 1980-х годов. Даже после восстановления дипломатических отношений в 1990 г. и непродолжительного всплеска взаимного интереса контакты двух стран носили спорадический характер, а экономические связи оставались весьма ограниченными. Активизация контактов наметилась в конце 1990-х — начале 2000-х годов, а серьёзные попытки сближения были предприняты уже в 2010-х. Знаковым стал визит в Москву короля Салмана в 2017 году, который, наряду с признанием различий в подходах руководства двух стран к региональным проблемам, продемонстрировал заинтересованность в сотрудничестве по нерегиональной проблематике [Косач

²³ Saudi crown prince defends China's right to fight 'terrorism' // ALJAZEERA. 23.02.2019. Доступ: <https://www.aljazeera.com/news/2019/2/23/saudi-crown-prince-defends-chinas-right-to-fight-terrorism>

²⁴ China, Saudi Arabia vow to boost military cooperation // Ministry of National Defense, 26.01.2022. Доступ: http://eng.mod.gov.cn/news/2022-01/26/content_4903623.htm

²⁵ Saudi crown prince defends China's right to fight 'terrorism' // ALJAZEERA. 23.02.2019. Доступ: <https://www.aljazeera.com/news/2019/2/23/saudi-crown-prince-defends-chinas-right-to-fight-terrorism>

²⁶ Anniversary of Jamal Khashoggi's Murder—Statement by Vice President Joe Biden // Democratic National Committee. 02.10.2020. Доступ: <https://joe Biden.com/2020/10/02/anniversary-of-jamal-khashoggi-murder-statement-by-vice-president-joe-biden/#>

²⁷ China says it supports Saudi Arabia's handling of Khashoggi case // Arab News. 25.12.2019. Доступ: <https://arab.news/mv7y6>

2019: 71]. На начало 2020-х годов развитие отношений с Россией руководство КСА рассматривало как часть курса на диверсификацию внешней политики. Считается, что Эр-Рияду следует выходить за рамки традиционных союзов, чтобы эффективнее продвигать свои интересы в изменившемся мире. Руководство Саудовской Аравии считает Россию державой с глобальным влиянием. В 2021 г. было заявлено о качественном скачке в развитии двусторонних отношений²⁸. Впрочем, Эр-Рияд не питает иллюзий, что Россия может заменить США в качестве гаранта безопасности, но он даёт понять, что сотрудничество с Москвой открывает новые возможности и потому представляет интерес.

Пока фундаментом для стратегического партнёрства с Москвой отсутствует, но оно декларируется в качестве долгосрочной цели, и некоторый прогресс в отношениях уже достигнут. В Эр-Рияде полагают, что Россия, как и Саудовская Аравия, стремится восстановить стабильность на Ближнем Востоке после событий «арабской весны», заботясь о безопасности своих южных рубежей. Таким образом, отмечаются частичное совпадение интересов и общая стратегическая цель, хотя сохраняются разногласия относительно способов её достижения. Последнее препятствует совместным действиям двух стран. Ведётся активный двусторонний диалог по региональной повестке; саудовское руководство допускает возможность сотрудничества с Россией по Сирии, Йемену и иранской ядерной программе²⁹. Другие перспективные направления сотрудничества – противодействие политическому исламу, борьба с терроризмом и пиратством. КСА высоко оценило поддержку Россией резолюции

СБ ООН 2624, которая квалифицирует йеменское движение «Ансар Аллаха» как террористическое.

Саудовская Аравия рассматривает Россию в качестве потенциального партнёра в сфере военно-технического сотрудничества. Первые признаки налаживания взаимодействия в этой области появились после визита в Москву короля Салмана в 2017 г. Россия могла бы стать альтернативным поставщиком некоторых видов вооружения – систем ПВО, противотанковых ракетных комплексов, тяжёлых огнемётных систем и систем залпового огня, стрелкового оружия. Речь может идти не только о поставках готовой продукции, но и о локализации производства. Наибольший интерес вызывают системы ПВО/ПРО, поскольку комплексы американского производства продемонстрировали низкую эффективность против баллистических ракет и беспилотников, применяемых йеменскими хуситами. В августе 2021 г. Саудовская Аравия подписала соглашение о военном сотрудничестве с Россией в ходе визита заместителя министра обороны Саудовской Аравии принца Халида бин Салмана на военно-технический форум «Армия-2021»³⁰. Опасаясь попасть под санкции, КСА с осторожностью подходит к ВТС с Российской Федерацией: по состоянию на середину 2022 г. не появилось сведений хотя бы об одном исполненном крупном контракте. Создаётся впечатление, что заявления и информация о возможных сделках с Россией саудовское руководство использует скорее как инструмент давления на США [Крючков 2017: 144].

Сотрудничество с Российской Федерацией позволяет КСА существенно увеличить возможности по регулированию миро-

²⁸ Аль-малик Салман: аль-алякат ас-саудия-ар-русия шахадат кафазат навийия [Король Салман: в саудовско-российских отношениях произошёл качественный скачок] // CNN Arabic. 24.11.2021. Доступ: <https://arabic.cnn.com/middle-east/article/2021/11/24/saudi-russia-relations-king-salman>

²⁹ Ас-Саудия ва Русия табхафани ат-тансик туджах кадая аль-мантака [Саудовская Аравия и Россия обсуждают координацию по региональным вопросам] // Khaleej Online. 24.09.2021. Доступ: <http://khaleej.online/Xem8ja>

³⁰ Тавкиу аль-иттифакият ли таавун аль-аскарий бейна ас-Саудия ва Русия [Подписание соглашения о военном сотрудничестве между Саудовской Аравией и Россией] // KHALEej ONLINE. 23.08.2021. Доступ: <http://khaleej.online/xmedJx>

вых цен на нефть³¹, прежде всего через функционирующий с 2016 г. формат ОПЕК+ [Bradshaw 2019: 6]. Эр-Рияд стремится к поддержанию сбалансированных цен на нефть и предотвращению ценовых войн. Саудовские³² и российские авторы сходятся на том, что именно сотрудничество в сфере ценовой политики формирует основу современных двусторонних отношений [Fazelyanov 2021: 126]. В саудовских публикациях можно встретить утверждение, что обвал нефтяных цен в 2020 г. стал уроком для Москвы и с тех пор она благоразумно согласовывает свою нефтяную политику с КСА³³. В связи с событиями на Украине Королевство столкнулось с давлением со стороны западных стран, требовавших увеличить добычу и экспорт энергоносителей. Летом 2022 г. участники ОПЕК+ уступили этому нажиму, чтобы предотвратить скачок цен, но в начале сентября стало известно о планах сократить добычу на 100 тыс. баррелей в день на фоне падения мирового спроса³⁴, что можно интерпретировать как нежелание Эр-Рияда ставить функционирование ОПЕК+ в зависимость от политической конъюнктуры.

Большое значение имеют хорошие личные отношения между лидерами двух стран. В этом смысле знаменательна моральная поддержка, оказанная В.В. Путиным наследному принцу, когда последний

подвергся критике в связи с делом Хашогджи [Косач 2019: 71]. Со своей стороны, в мае 2022 года, на фоне обострения вокруг Украины, принц не преминул поздравить российского президента с Днём Победы³⁵. Саудовские руководители подчёркивают, что отношения двух стран строятся на основе взаимного уважения и невмешательства во внутренние дела (в отличие от отношений с США).

Основу связей России с Саудовской Аравией составляют договорённости по регулированию нефтяного рынка и политическое взаимопонимание, но экономической базы практически нет [Федорченко 2019: 185]. Торгово-инвестиционное сотрудничество только начинает развиваться. В 2020 г. объём торговли между странами незначительно превышал 1,67 млрд долларов³⁶ — на порядок меньше, чем торговля с США и тем более с КНР. Саудовские авторы с сожалением отмечают, что у России объём товарооборота с КСА вдвое-второе меньше, чем с ОАЭ³⁷. Российский экспорт в Королевство представлен преимущественно сельскохозяйственной продукцией и сырьевыми товарами. Отечественные экономисты считают продовольственную безопасность одной из наиболее перспективных сфер сотрудничества [Исаев 2018: 112–113]. Тем не менее по сравнению с другими игроками Россия находится

³¹ Ас-Саудия таамалю ат-тавасуль ли иттифак джадид фи «УБИК+» ядумму Русия [Саудовская Аравия надеется достичь нового соглашения в «ОПЕК+» с участием России] // KHALEEJ ONLINE. 23.05.2022. Доступ: <http://khaleej.online/eqArME>

³² Аль-Хатлан С. Мустакбалу аль-альякат ас-саудия-ар-русия тухаддиду харб Украина ва такийим ар-Рияд [Будущее саудовско-российских отношений будет определяться войной на Украине и оценкой Эр-Рияда] // Араи хауля аль-Халидж. 29.03.2022. Доступ: https://araa.sa/index.php?option=com_content&view=article&id=6051&catid=4536&Itemid=172

³³ Там же.

³⁴ ОПЕК+ agrees small oil production cut // Reuters. 19.09.2022. Доступ: <https://www.reuters.com/business/energy/opec-weigh-rollover-or-small-cut-monday-meeting-sources-say-2022-09-04/>

³⁵ Вали аль-ахд ас-саудий юхану ар-раис ар-русий би «йоум ан-наср» [Наследный принц Саудовской Аравии поздравил президента России с Днём Победы] // KHALEEJ ONLINE. 09.05.2022. Доступ: <http://khaleej.online/D5dDKd>

³⁶ Торговля между Россией и Саудовской Аравией в 2020 г. // Внешняя торговля России. 22.09.2022. Доступ: <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2021-02/torgovlya-mezhdu-rossiy-i-saudovskoy-araviei-v-2020-g/>

³⁷ Аль-Хатлан С. Мустакбалу аль-альякат ас-саудия-ар-русия тухаддиду харб Украина ва такийим ар-Рияд [Будущее саудовско-российских отношений будет определяться войной на Украине и оценкой Эр-Рияда] // Араи хауля аль-Халидж. 29.03.2022. Доступ: https://araa.sa/index.php?option=com_content&view=article&id=6051&catid=4536&Itemid=172

Таблица 1
Взаимодействие КСА с США, КНР, Россией

Направление взаимодействия	США	Китай	Россия
Сотрудничество по региональной проблематике	+++	—	+
Общие угрозы	++	+	+
Военно-техническое сотрудничество	+++	+	—
Торговля	++	+++	+
Энергетическое сотрудничество	—	+++	+++
Инвестиционное сотрудничество	+++	+++	—
Вклад в реализацию Видения-2030	+++	+++	—
Взаимодействие на уровне руководства	+	++	++

Источник: составлено автором.

в невыгодном положении, ведь КСА ищет альтернативных поставщиков высокотехнологичной продукции. Российской Федерации трудно выступать в качестве партнёра в реализации программы «Видение-2030». Например, в энергетической отрасли единственным перспективным направлением можно считать ядерный сектор. Нет крупных контрактов или инвестиционных проектов. Несмотря на достижение договорённости о создании совместного инвестиционного фонда в размере 10 млрд долларов, так и не нашлось привлекательных проектов для вложения этих средств.

* * *

Для наглядного сравнения отношений КСА с США, КНР и Российской Федерацией мы предлагаем таблицу (табл. 1). Количество плюсов в ячейке отражает оценку автором того, как в Саудовской Аравии видят уровень сотрудничества/взаимопонимания в той или иной сфере: «+++» означают стратегический характер связей, «++» — значимый уровень, «+» — ограниченное взаимодействие, «—» — взаимодействие только на уровне риторики.

Из приведённой таблицы видно, что в представлении саудовского руководства США и Китай существенно опережают Российскую Федерацию по большинству ключевых направлений сотрудничества. Отношения Саудовской Аравии с Россией носят нишевый характер, хотя наличие потенциала для сближения и установления стратегического партнёрства декларирует-

ся. Ситуация может измениться, если российская сторона станет одним из основных поставщиков продовольствия, а также будет поставлять крупные партии вооружения. Эр-Рияд продемонстрировал также некоторый интерес к сотрудничеству с Москвой при решении региональных проблем, таких как ситуация в Сирии. Тем не менее после 24 февраля 2022 г. Эр-Рияд занял выжидательную позицию. В КСА полагают, что статус России в мире будет определяться исходом конфликта на Украине, а без понимания этого статуса сложно планировать будущее двусторонних отношений.

По поводу отношений с США и Китаем можно утверждать, что, несмотря на значительный прогресс в различных аспектах саудовско-китайского экономического взаимодействия, сотрудничество Эр-Рияда с Пекином в политической сфере носит ограниченный характер и КСА по-прежнему вынуждено полагаться на США как гаранта безопасности. Особенно эта тенденция заметна при сравнении уровня военно-технического сотрудничества. Саудовское руководство не заинтересовано в наращивании военного присутствия Пекина в регионе, опасаясь, что оно приведёт к китайско-американскому соперничеству и росту напряжённости. Всё заметнее становится роль КНР как поставщика высоких технологий, которые требуются для цифровизации саудовской экономики. Вместе с тем складывается впечатление, что руководство КСА сознательно пытается избежать зависимости от Китая в техно-

логической сфере и старательно диверсифицирует источники ключевых технологий, что также способствует поддержанию связей с США. В целом в отношении КНР стоит задача выстроить стратегическое партнёрство по формуле «экономика плюс», где «плюс» – сотрудничество по политическим вопросам, представляющим взаимный интерес.

Несмотря на широко обсуждаемый в СМИ и экспертных кругах уход США с Ближнего Востока, как минимум в среднесрочной перспективе Вашингтон останется для Эр-Рияда базальтернативным

союзником. На вероятность этого развития событий указывают анонсированные в 2022 г. планы углубления военного сотрудничества в интересах региональной стабильности, а также широкое привлечение американских корпораций к реализации ключевых проектов программы «Видение-2030». Не стоит преувеличивать значимость трений в саудовско-американских отношениях, поскольку они в значительной степени носят конъюнктурный характер. Порождаемый ими негативный фон не отменяет объективной заинтересованности КСА в поддержке США.

Список литературы

- Аль-Хатлан С. Мустакбалу аль-алякат ас-саудия-ар-русия тухаддиду хурб украиниян ва такийм ар-Рияд [Будущее саудовско-российских отношений будет определяться войной на Украине и оценкой Эр-Рияда] // Араи хауля аль-Халидж. 29.03.2022. Доступ: https://araa.sa/index.php?option=com_content&view=article&id=6051&catid=4536&Itemid=172
- Дербенёв А.С. Саудовская Аравия – Китай: стратегия партнёрства // Новая и новейшая история. 2022. Выпуск 3. С. 216–229. DOI: 10.31857/S013038640017894-1
- Исаев В.А., Филоник А.О. Россия и Саудовская Аравия в контексте экономических отношений // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2018. № 1. С. 105–116. DOI: 10.7868/S0869190818010107.
- Косач Г.Г. Саудовская Аравия: трансформация власти и политики // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 4. С. 59–67. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-4-59-67.
- Косач Г.Г., Мелкумян Е.С. Роль России на Ближнем Востоке и интенсификация её отношений с арабскими монархиями Залива // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2019. №2. С. 61–75. DOI: 10.28995/2073-6339-2019-2-61-75.
- Косач Г.Г. Саудовская Аравия: социально-экономическая трансформация // Труды Института востоковедения РАН. 2019. № 26. С. 585–600.
- Косач Г.Г. Во имя национальных интересов: внешняя политика Саудовской Аравии после «арабской весны» // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2021. Т. 13. № 4. С. 131–161. DOI: 10.48015/2076-7404-2021-13-4-131-161.
- Крючков И.В. Внешняя политика Саудовской Аравии на Ближнем Востоке в начале XXI века // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2017. Т. 22. № 3. С. 142–149. DOI: 10.15688/jvolsu4.2017.3.13.
- Сурков Н.Ю. Саудовская Аравия: мантра об исключительности // Ближний Восток: политика и идентичность / Под ред. И.Д. Звягельской; ИМЭМО РАН. М.: Аспект Пресс, 2020. С. 228–234.
- Федорченко А.В. Россия – Саудовская Аравия: состоится ли партнёрство? // Полис. Политические исследования. 2019. № 6. С. 177–188. DOI: 10.17976/jpps/2019.06.14.
- Яковлев А.И. Цивилизационное измерение международных отношений на Ближнем Востоке в XXI в. // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2017. № 3. С. 38–47.
- Яковлев А.И. Власть и насилие в Саудовской Аравии: эволюция целей и методов в начале XXI в. // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2016. № 2. С. 116–129.
- Al Faisal bin Abdul Aziz Al Saud T. Saudi Arabia's Foreign Policy // Middle East Policy. 2013. Vol. 20. No. 4. P. 37–44. DOI: 10.1111/mepo.12044.
- Al-Sudairi M. The People's Republic in the Red Sea: A Holistic Analysis of China's Discursive and Material Footprint in the Region // King Faisal Center for Research and Islamic Studies, Dirasat, No. 52, January 2020: 1–50. URL: <https://kfcris.com/en/view/post/259>.
- Bradshaw M., Thijs van de Graaf, Connolly R. Preparing for the New Oil Order? Saudi Arabia and Russia // Energy Strategy Reviews. 2019. No. 26. P. 1–12. DOI: 10.1016/j.esr.2019.100374.
- Cordesman A.H. Saudi Arabia and the United States: Common Interests and Continuing Sources of Tension. Center for Strategic and International Studies (CSIS), 2016. P. 1–19.

- Ennis C.A., Bessma Momani.* Shaping the Middle East in the Midst of the Arab Uprisings: Turkish and Saudi Foreign Policy Strategies. *Third World Quarterly*. 2013. Vol. 34. No 6. P. 1127–1144. DOI: 10.1080/01436597.2013.802503.
- Fazelyanov E.M.* Russia and Saudi Arabia: Partnership and Common Interests // *Vestnik of Saint Petersburg University. Asian and African Studies*. 2021. Vol. 13. No 1. P. 119–127. DOI: 10.21638/spbu13.2021.108.
- Fulton J.* Situating Saudi Arabia in China's Belt and Road Initiative // *Asian Politics & Policy*. 2020. Vol. 12. No. 3. P. 362–383.
- Hameed U.U.* The Saudi-Iranian Rivalry: A Foreign Policy Analysis Approach // *Towson University Journal of International Affairs*. 2017. Vol. 50. No. 2. P.16–34.
- Katz M.N.* The Gulf and the Great Powers: Evolving Dynamics // *Middle East Policy*. 2016. Vol. 24. No. 2. P. 102–109. DOI: 10.1111/mepo.12271.
- Kenner D., Al-Ahmad K.* The US-Saudi Economic Relationship: More than Arms and Oil // *King Faisal Center for Research and Islamic Studies, Special Report*, March, 2021. P. 1–32. URL: <https://kfcris.com/en/view/post/333>.
- Keohane R., Nye J.* Power and Interdependence. Boston, MA: Little, Brown and Co., 2001.
- Malla M.W.* China's Approach to the Iran-Saudi Arabia Rivalry // *Middle East Policy*. 2022. Vol. 29. No. 1. P. 25–40. DOI: 10.1111/mepo.12613.
- Mason R.* Back to Realism for an Enduring U.S.-Saudi Relationship // *Middle East Policy*. 2014. Vol. 21. No. 4. P. 32–44. DOI: 10.1111/mepo.12093.
- Morgenthau H.* Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace. New York, NY: Knopf, 1948.
- Rich B.* From Defense to Offense: Realist Shifts in Saudi Foreign Policy // *Middle East Policy*. 2019. Vol. 26. No. 3. P. 62–76. DOI: 10.1111/mepo.12438.
- Seznec J.-F.* Why US-Saudi Arabia Relations Will Continue to Be Close, Even When Climate Action Reduces Demand for Oil // *Bulletin of the Atomic Scientists*. 2020. Vol. 76. No. 5. P. 244–248. DOI: 10.1080/00963402.2020.1806578.
- Wang T.Y.* Competing for Friendship: The Two Chinas and Saudi Arabia // *Arab Studies Quarterly*. 1993. Vol. 15. No. 3. P. 63–82.
- Wendt A.* A Social Theory of International Politics. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1999. 429 p.

STRATEGIC ALTERNATIVES FOR SAUDI FOREIGN POLICY

COMPARATIVE ANALYSIS OF RIYADH'S RELATIONS WITH WASHINGTON, BEIJING AND MOSCOW

NIKOLAY SURKOV

Primakov Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences, Moscow, 117997, Russia

Abstract

The foreign policy of the Kingdom of Saudi Arabia (KSA) has undergone significant changes since Crown Prince Mohammed bin Salman (MBS) became the de facto head of state. Riyadh has begun to pursue a proactive policy at the regional level, while at the global level, Saudi Arabia is pursuing a policy of balancing, as it is afraid of being drawn into the struggle of the great powers. Simultaneously, the KSA is striving to diversify its external relations, preparing for the planned reduction of the American presence in the Middle East and the Gulf. The article focuses on whether the rapprochement of the KSA with China and Russia can become an alternative to the strategic alliance of the kingdom with the United States.

The author aims to analyze the peculiarities of relations of the kingdom with each of the powers and to identify trends in their further development. The article analyzes cooperation on security issues and economic cooperation. It concludes that the KSA is still interested in maintaining and developing strategic relations with the United States, which remains its key ally and an important economic partner. Relations with China, which has become the main trading partner, are built according to the «economy plus» formula, which suggests gradual development of political ties. Russia is important as a partner in the energy market within the OPEC+ format, and can also help resolve several regional crises. A comparative analysis of Saudi Arabia's relations with the United States, China and the Russian Federation shows that in the medium term there is no alternative for Riyadh but to maintain and develop relations with Washington.

Keywords:

Saudi Arabia; USA; China; Russia; balancing; hedging.

References

- Al Faisal bin Abdul Aziz Al Saud T. (2013). Saudi Arabia's Foreign Policy. *Middle East Policy* 20. No. 4. P. 37–44. DOI: 10.1111/mepo.12044.
- Al-Khatllan S. Mustakbalu al-alyakat as-saudiya-ar-rusiya tuhaddidughu harb ukrainiyan wa takyim ar-Riyad [The future of Saudi_russian relations will be determined by the war in Ukraine and the assessment of Riyadh] // Views on the Gulf Magazine. 29.03.2022. (In Arabic) URL: https://araa.sa/index.php?option=com_content&view=article&id=6051&catid=4536&Itemid=172.
- Al-Sudairi M. The People's Republic in the Red Sea: A Holistic Analysis of China's Discursive and Material Footprint in the Region // King Faisal Center for Research and Islamic Studies, Dirasat. No. 52. January 2020. P. 1–50. URL: <https://kfcris.com/en/view/post/259>.
- Bradshaw M., Thijs van de Graaf, Connolly R. (2019). Preparing for the New Oil Order? Saudi Arabia and Russia. *Energy Strategy Reviews*. No. 26. P. 1–12. DOI: 10.1016/j.esr.2019.100374.
- Cordesman A.H. (2016). Saudi Arabia and the United States: Common Interests and Continuing Sources of Tension. *Center for Strategic and International Studies* (CSIS). P. 1–19.
- Derbenev A. (2022). Saudi Arabia – China: Partnership Strategy. *Novaia i noveishaia istoriia*. No. 3. P. 216–229. DOI: 10.31857/S013038640017894-1
- Ennis C.A., Bessma Momani. (2013). Shaping the Middle East in the Midst of the Arab Uprisings: Turkish and Saudi Foreign Policy Strategies. *Third World Quarterly*. Vol. 34. No. 6. P. 1127–1144. DOI: 10.1080/01436597.2013.802503.
- Fazelyanov E.M. (2021). Russia and Saudi Arabia: Partnership and Common Interests. *Vestnik of Saint Petersburg University. Asian and African Studies*. Vol. 13. No. 1. P. 119–127. DOI: 10.21638/spbu13.2021.108. EDN UPUTEI.
- Fedorchenko A.V. (2019). Russia – Saudi Arabia: Will Partnership Take Place? *Polis. Political Studies*. No. 6. P. 177–188. <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.06.14>
- Filonik A.O., Isaev V. (2018). Russia and Saudi Arabia in the context of economic relations. *Vostok. Afro-aziatskie obshchestva: istoriia i sovremennost'*. No. 1. P. 105–116. DOI: 10.7868/S0869190818010107.
- Fulton J. (2020). Situating Saudi Arabia in China's Belt and Road Initiative. *Asian Politics & Policy*. Vol. 12. No. 3. P. 362–383.
- Hameed U.U. (2017). The Saudi–Iranian Rivalry: A Foreign Policy Analysis Approach. *Towson University Journal of International Affairs*. Vol. 50. No. 2. P. 16–34.
- Katz M.N. (2017). The Gulf and the Great Powers: Evolving Dynamics. *Middle East Policy*. Vol. 24. No. 2. P. 102–109. DOI: 10.1111/mepo.12271.
- Kenner D., Al-Ahmad K. (2021). The US-Saudi Economic Relationship: More than Arms and Oil. *King Faisal Center for Research and Islamic Studies*. Special Report, March. P. 1–32. <https://kfcris.com/en/view/post/333>.
- Keohane R., Nye J. Power and Interdependence. Boston, MA: Little, Brown and Co., 2001.
- Kosach G. (2019). Saudi Arabia: Transformation of Power and Policy. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. Vol. 63. No. 4. P. 59–67. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-4-59-67>.
- Kosach G.G. (2019). Saudi Arabia – socio-economic transformation. *Trudy Instituta vostokovedeniya RAN*. No. 26. P. 585–600.
- Kosach G.G. (2021). In the name of the national interests: Foreign policy of Saudi Arabia after the Arab Spring. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 25: Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika*. No. 13(4). P. 131–161. <https://doi.org/10.48015/2076-7404-2021-13-4-131-161>

- Kosach G.G., Melkumyan E.S. (2019). Russian role in the Middle East and intensification of its relations with the Gulf Arab monarchies. RSUH/RGGU Bulletin Series "Political Science. History. International Relations". 2019. No. 2. P. 61–75. (In Russ.) <https://doi.org/10.28995/2073-6339-2019-2-61-75>
- Kryuchkov I.V. (2017). The Foreign Policy of Saudi Arabia in the Near East at the Beginning of the 21st Century. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*. Vol. 22. No. 3. P. 142–149. <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2017.3.13>
- Malla M.W. (2022). China's Approach to the Iran-Saudi Arabia Rivalry. *Middle East Policy*. Vol. 29. No. 1. P. 25–40. DOI: 10.1111/mepo.12613.
- Mason R. (2014). Back to Realism for an Enduring U.S.-Saudi Relationship. *Middle East Policy*. Vol. 21. No. 4. P. 32–44. DOI: 10.1111/mepo.12093.
- Morgenthau H. *Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace*. New York, NY: Knopf, 1948.
- Rich B. (2019). From Defense to Offense: Realist Shifts in Saudi Foreign Policy. *Middle East Policy*. Vol. 26. No. 3. P. 62–76. DOI: 10.1111/mepo.12438.
- Seznec J.-F. (2020). Why US-Saudi Arabia relations will continue to be close, even when Climate Action reduces Demand for Oil. *Bulletin of the Atomic Scientists*. Vol. 76. No. 5. P. 244–248. DOI:10.1080/00963402.2020.1806578.
- Surkov N.Yu. (2020). Saudovskaya Araviya: mantra ob isklyuchitel'nosti [Saudi Arabia: The mantra of exclusivity]. In: Zvyagel'skaya I.D. (ed.). *Blizhnii Vostok: politika i identichnost'*. IMEMO RAN. Moscow: Aspekt Press. P. 228–234.
- Wang T.Y. (1993). Competing for Friendship: The Two Chinas and Saudi Arabia. *Arab Studies Quarterly*. Vol. 15. No. 3. P. 63–82.
- Wendt A. *A Social Theory of International Politics*. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1999. 429 p.
- Yakovlev A. (2016). Vlast' i nasiliye v Saudovskoy Aravii: evolyutsiya tseley i metodov v nachale XXI v. [Power and violence in Saudi Arabia and evolution of their aims and methods in the beginning of the twenty first century]. *Vostok. Afro-Aziatskiye obshchestva: istoriya i sovremennost'*. No. 2. P. 116–129.
- Yakovlev A.I. (2017). Tsivilizatsionnoye izmereniye mezhdunarodnykh otnosheniy na Blizhnem Vostoke v XXI v. [Civilizational Dimension of International Relations in the Near East in the Twenty First Century]. *Vostok. Afro-Aziatskiye obshchestva: istoriya i sovremennost'*. No. 3. P. 38–47.